

Родион Белецкий

Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова

*Часть сборника
Мужчины о счастье.
Современные рассказы о
любви*

Современные рассказы о любви

Родион Белецкий

**Путешествие в Иваново
автора, Коврова и Баранова**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Белецкий Р. А.

Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова /
Р. А. Белецкий — «Эксмо», 2016 — (Современные
рассказы о любви)

ISBN 978-5-699-90939-1

«Всё началось с того, что мы собрались у меня. Я, Ковров и Баранов. Было это весной. Помню, недавно начался пост. Собрались, значит, мы, и сделалось нам ещё хуже, чем было. Поодиночке мы находились в тоске, а вместе нас и вовсе развезло. У каждого были проблемы. Меня с работы выгнали. Ковров болтался непонятно где, с работой тоже беда. Баранов был актёром. А у них, даже если всё хорошо, всё равно всё плохо...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90939-1

© Белецкий Р. А., 2016
© Эксмо, 2016

Родион Белецкий

Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Всё началось с того, что мы собрались у меня. Я, Ковров и Баранов.

Было это весной. Помню, недавно начался пост. Собрались, значит, мы, и сделалось нам ещё хуже, чем было. Поодиночке мы находились в тоске, а вместе нас и вовсе развезло. У каждого были проблемы. Меня с работы выгнали. Ковров болтался непонятно где, с работой тоже беда. Баранов был актёром. А у них, даже если всё хорошо, всё равно всё плохо.

– Надо ехать в Иваново, – сказал Ковров.

Нам предложение понравилось. Помимо прочих проблем, проблемы с женским полом у всех троих имелись тоже. Общение с женщинами приносило больше неприятных моментов, чем хотелось бы. Иваново нам представлялось оазисом, где бродят толпы сговорчивых и нескандальных девиц. Мне к тому же казалось, что там тропический климат.

После я бывал в Иваново. Там стояли такие холода, что пришлось покупать меховую шапку на рынке. Да и девушек, жадных до мужчин, я там не заметил.

Сидя у меня в квартире, мы стали выяснять, далеко ли это самое Иваново. Оказалось, далеко. Тут случилась заминка. Ехать в такую даль было неохота. Хотя до этого мы все хором говорили: «Давайте сорвёмся куда-нибудь без подготовки, спонтанно, как в былые времена». Как в былые времена – не получалось. Каждому из нас было почти по тридцать. Безумные поступки остались в прошлом. Надо было искать что-то поближе.

Баранов вышел куда-то. Мы с Ковровым взяли журнал «Досуг». «Досуг» в приличном смысле этого слова.

– Давай в дом отдыха поедem, – предложил я.

Ковров согласился. Ему, похоже, было всё равно. В «Досуге» мы нашли телефоны. Можно было позвонить в дом отдыха. Что мы и сделали. Я помню, в нескольких домах отдыха нам ответили какие-то странные голоса. Мне представилось, что на том конце провода сарай, по которому и бродят пьяные невыспавшиеся люди. Наконец приятный женский голос сказал, что, мол, будем рады вас видеть, приезжайте, номеров свободных полно.

Вернулся Баранов. Наше сообщение по поводу дома отдыха принял поначалу в штыки. Он всегда подвергал всё сомнению.

А ещё у Баранова есть такая особенность: он, когда спектакль у него в театре заканчивается, всегда звонит сразу в несколько мест. Сейчас я объясню, что я имею в виду. Он звонит сразу по нескольким телефонам, убеждается, что его ждут в, положим, шести домах, и после спокойно выбирает. А в гости ему обязательно надо поехать. Потому что у артистов обычно после спектакля мандраж. Энергии много, а растрчивать её уже не перед кем.

Баранов сначала поломался, но затем всё же согласился ехать с нами.

Дом отдыха находился неподалёку от города под названием Клин. Решили долго не собираться. Ничего особенного с собой не брать. Кроме еды. Немедленно отправились за едой. Пошли в магазин. Три здоровенных лося. И с шутками-прибаутками стали выбирать себе продукты. Как это ни странно, Ковров и Баранов в это время постились. Странно это потому, что обычно пощусь я. Но в этот пост я всю ел мясо. Баранов и Ковров выбирали рыбные консервы. По мне, это жуткая гадость. Что щука, что какой-нибудь карп – один и

тот же вкус горького томатного соуса. Я лично, долго не думая, взял себе куриные окорочка. Штук, наверное, шесть. Окорочка были копчёные. Они уместились в один небольшой целлофановый пакет. Окорочка были похожи на бумеранги. Ковров и Баранов, разумеется, стали надо мной издеваться. Мол, я покушать люблю. Всю жизнь они надо мной издеваются, типа я толстый. Успокаивает то, что сейчас и Ковров, и Баранов – сами не слишком худые молодые люди.

Короче, набрали мы еды. Не помню уже, во что сложили, и выдвинулись. Ехали на электричке. Часто бегали курить. Баранов курит маленькие самокрутки. Сворачивать их долго, курить тяжело. Один у них есть плюс. Времени много уходит на возню с ними. Я, к примеру, часто не знаю, как мне время потратить, а это, между прочим, отличный способ.

Говоря о поездках на электричке, вспоминаю одну сцену. Моё наблюдение. Ехал из Подмосковья в Москву. Поезд уже подходил к городу. Народу в вагоне немного. Вижу, сидит на скамье парень, бледный и худой. И сумка на коленях. Вдруг откуда ни возьмись цыганка. Садится она возле этого парня, наклоняется к нему и принимается что-то быстро-быстро говорить. Смотрю, глаза у парня стекленеют. Гипноз или что-то в этом роде. Глаза у него уже моргать перестали. А цыганка всё шепчет и шепчет. Люди в вагоне стали это замечать. Видят, что дела у парня плохи. Заморочит сейчас его цыганка и обворует. Стали орать на цыганку. А она всё быстрее бормотать принялась. Будто бы боясь, что ей заговорить парня не дадут. Продолжения я не видел. Вышел потому что. Но картина запомнилась. Парень с полуоткрытым ртом и цыганка, у которой губы быстро-быстро шевелятся. И пассажиры орут на цыганку, широко разеваая рты: «Что ты делаешь, паскуда!»

Возвращаясь к нашему путешествию. Погода была приятная. Мне такая нравится. Снег, тая на глазах, оседает. И мокрый ветер. А когда к этому ветру подмешивается табачный дым, дышишь – и надышаться не можешь. Очень вкусно.

Решение ехать в дом отдыха мы приняли часов в пять вечера. Пока собирались, пока добирались, то да сё. Думаю, приехали мы туда часам к девяти. Темно уже было, когда мы к дому отдыха подходили. Становилось всё холоднее и холоднее. Вошли мы, три красавца, на территорию. Дом отдыха оказался самым обычным. Разваливающийся, ободранный бассейн с огромным кирпичом льда вместо воды. Кривые качели, двери в корпусах не закрываются, и всё остальное в том же духе. Мы немного побродили от корпуса к корпусу. Промочили ноги. Вдруг видим, движется на нас странная личность. Волосы кудрявые, длинные, в свитере и в джинсах. А джинсы заправлены в высокие ковбойские сапоги. Для завершения картины в руке этого человека бутылка красного вина. И он к нам, покачиваясь, подходит.

– Бон суар, – говорит.

Французского мы не знали. Смотрим на него и ничего не понимаем. Он, грассируя, начинает что-то рассказывать, всё чаще и чаще вставляя в речь русские слова. Наконец как-то поняли: он француз, идёт в столовую ужинать. Кого мы ожидали встретить в доме отдыха под Клином, так это точно не француз. Вообще-то мы ожидали встретить девушек. Трёх романтических, коротающих дни в соседнем номере. Но, увидев француз, сразу поняли, что девушек тут нет. Стал бы француз с мужиками знакомиться, если бы тут девушки были. Мы потопали по тропинке за иностранцем. Он беспрерывно что-то говорил. Как-то из его речей мы разобрали, что француз здесь много. Они приехали устанавливать линию на местном пивзаводе. Неплохо им живётся среди ёлок. Свежий воздух... С красным вином кушают... Умеют всё-таки иностранцы устраиваться.

Когда я был в Париже, первое, что меня поразило, – это то, как много людей едят на ходу. У нас нет такого количества жующих пешеходов. ещё я понял, что там большинство владельцев кафе выносят дом на улицу. Вот что я имею в виду: уклад и порядок, который у них есть дома, они его на улице, в своём кафе, утверждают. Ощущение такое, что если у него дома красные салфеточки, то он их и в кафе своём на стол положит. И ещё очень тесно

в этих парижских кафе. Сядешь, и обязательно кто-то за плечом с хрустом жуёт салатный лист. Но это так, к слову.

Возвращаюсь в дом отдыха под Клином. Из темноты мы вышли в освещённую столовую. Чистотой она не отличалась. Запахи пищи. Запахов много, и все неприятные. Встретила нас работница дома отдыха. Подошла она к нам с вопросом, будем ли мы оплачивать питание. Вид у работницы дома отдыха был такой, будто она секунду назад что-то воровала, и мы её от этого дела отвлекли. От питания мы отказались. Решили, что еду будем в магазине покупать. Работница сказала нам, в какой корпус идти, чтобы поселиться. Мы вышли, оставив весёлых французов за столиком. Они, кстати, русской еды не чурались. Ели вовсю и вином запивали.

Пришли в номер. Я лично такую картину и ожидал увидеть. Фиговенько было в номере. И кроватей всего две. Одна из них широкая. Стали спорить, кто на какой кровати будет спать. Каждый хотел спать отдельно. Долго решали, кто займёт маленькую кровать. Ковров и Баранов спорили. Я на них смотрел и испытывал чувство острого удовольствия. Нет, я не радовался тому, что они никак не могут найти общий язык. Просто когда твои друзья в шутку ссорятся, ты понимаешь, что всё это несерьёзно. Что, короче, жизнь продолжается. Не знаю, понятно ли я объяснил. В итоге кровать досталась Баранову. Не помню, как это решили. По-моему, скинулись, как в детстве: камень, ножницы, бумага... Потрясли кулаками и выбросили вперёд комбинации из пальцев. Кто-то мне рассказывал, что камнем, ножницами и бумагой дело не заканчивается. Есть ещё одна, более сложная модификация этой игры: «Камень, ножницы, вода, телевизор, провода». Правда, сложно себе представить, как пальцами одной руки можно показать телевизор. Хотя, наверное, можно.

Спать было ещё рано. Мы решили устроить костёр, ну и, понятно, напиться под это дело. Взяли еду и выпивку и покинули номер. Я гордо нёс куриные окорочка в пакете. И водку. Баранов и Ковров несли бесчисленные банки рыбных консервов и тоже водку.

Помню, как Ковров устроился барменом в стриптиз-бар. К своему делу он отнёсся серьёзно – сходил однажды на соревнования барменов. Увидел, как они там бросают и ловят бутылки из-за спины, ловко переворачивают их, взяв за горлышко, и тут же наливают спиртное в стакан. Ковров тоже решил научиться кидать бутылки. Вскоре это желание пропало, и появлялось оно только тогда, когда Ковров выпивал. На одной из наших тогдашних посиделок он взял и кинул бутылку в воздух. Не поймал. После разбил и вторую бутылку. Разумеется, бутылки были последними. Хорошо, что в этот раз всё спиртное без потерь было доставлено по назначению.

Пейзаж на месте предполагаемого костра был странный. Высокая сухая трава и ржавые железные арматурины. Пристроившись между ними, мы развели костёр. Выпили. После выпили ещё раз. Я закусил окорочками. Баранов и Ковров стали снова надо мной потешаться. Но это, думаю, только оттого, что им тоже захотелось курятины. Хотелось курятины, а приходилось довольствоваться рыбой в томате. Я, кстати, тоже попробовал их рыбу. Дрянь. Ковров ругался и ел. А я смотрел на него, и мне было смешно. Ковров – потрясающий человек. Он похож на животное, в хорошем смысле этого слова. Реакции его естественны. Он всегда делает, а потом думает. Помню, в школе я исподтишка наблюдал за ним, и меня это ужасно веселило. Во время перемены я сидел на последней парте и смотрел за тем, как он ручку у кого-то взял. А потом этого человека послал куда подальше. Всё у него получалось как-то особенно. Как в мультфильме говорилось, «дико и симпатично». Однажды Ковров сказал: «Я в этот театр больше не пойду. Там даже выпить нечего». Эта фраза его характеризует. Не то что он выпить любит (а он любит), а то, что так сказать может только Ковров. Ещё одна особенность этого человека в том, что он, достигнув каких-то успехов в жизни, немедленно всё разрушает. Бросает жену, напивается на работе. Его увольняют, он остаётся

без работы и без жены. Зато снова на первой ступеньке лестницы, по которой надо забираться наверх.

Мы пили. Я пил немного. Из меня алкоголик тот ещё. Могу не пить месяцами, но потом напиваюсь вусмерть. Моя жена говорит, что это первый признак алкоголизма. Я ей не верю. Хотя познакомились мы, когда я был пьянющим сильно. Сидел у неё дома в ванной, текла вода, а я требовал принести мне из кухни ещё воды. Налить в стакан и принести. Воды мне не хватало, видите ли.

Помню, ездил на один фестиваль на Волгу. Там с нами жили двое американцев – парень и девушка, бледные англосаксы. Конечно, они постоянно улыбались. Он играл на гитаре. Это его и сгубило. Фестиваль заканчивался прощальным костром, как в пионерском лагере. Американцы тоже были приглашены. Костёр зажгли в сосновом лесу. Комары набрасывались на людей, стоящих у костра, с особой свирепостью. Это были какие-то монстры, а не комары. Даже дыма они не боялись. Собравшиеся, не имея средства против насекомых, спасались от них оригинальным способом. Они пили местный самогон, разлитый в пивные бутылки. Бедные американцы не пили. Они стояли у костра и улыбались. Комары их не кусали. Янки привезли с собой мазь-убийцу. В самый разгар праздника, когда у народа всё качалось перед глазами, к американцам подошёл участник фестиваля. Участник был пьян и агрессивен. Он сказал американцу:

- На гитаре играешь?
- Йес, – ответил американец.
- Играй.
- Я не хочу, – сказал американец.
- Играй, – повторил участник фестиваля.

И американец заиграл. Представьте себе такую картину. Тёмный лес, поляна, костёр, жужжат комары. А вокруг костра шатаются пьянющие люди. И в стороне стоит испуганный янки. И тихим голосом поет: «Oh, I get high with little help from my friends». И это при том, что его вообще никто не слушает. Потом американец с американкой сбежали с праздника жизни. Уж не знаю, как они добрались до номера и не заблудились.

Возвращаюсь в дом отдыха под Клином. Костёр потух. Мы напились. Но удовлетворены не были. Нам захотелось приключений. Пошли гулять по территории. Темнота. Острова снега на земле. Увидели бассейн и забрались на него. Вода в бассейне казалась замерзшей, но погулять по льду мы не решились. Да ну его, подумали, ещё провалимся.

В детстве я лично много раз проваливался под лёд. На канале, регулярно. Каждый год возле берега. А однажды летом, прогуливаясь во дворе, я наступил в лужу и ушёл в неё целиком, буквально с головой. Тёплая мутная жижа меня накрыла. Наверное, там был какой-то провал в асфальте. Есть такие детские воспоминания, когда кажется, что ты их придумал. Причём придумал ещё тогда, в детстве. И потом всем рассказываешь. Воспоминание о луже именно такого рода.

Я, Ковров и Баранов слезли с этого дурацкого бассейна и пошли в лес. Неожиданно между деревьями мы увидели газетный киоск. Именно киоск, который обычно стоит возле метро и из которого торгуют газетами. Внутри киоска горел свет. Прячась за деревьями, мы подошли к киоску и увидели, что в нём спит человек – охранник. От киоска на две стороны расходился железный забор. Три взрослых лба решили над охранником подшутить. Постучали в стекло и, сорвавшись с места, побежали в лес. Убежали довольно далеко. Остановились и поняли, что получили огромное удовольствие от этой шутки.

В институте на курсе со мной училась девушка из провинции. Не помню её имени. Это была высокая блондинка с большим ртом и короткой стрижкой. У нас даже начинались какие-то отношения. Я даже однажды остался у неё ночевать в общежитии. Но там ничего не было. Я её не тронул, по её же просьбе. Потом, конечно, жалел. Возможно, что-то бы и

получилось. Так вот, мы с этой девушкой ехали на трамвае. Вошли контролёры. Несколько человек во все двери одновременно. Деваться нам было некуда. Нас вывели из салона, и тут мы с ней, не сговариваясь, бросились бежать в разные стороны. Контролёры ринулись за нами. Я лично бежал довольно долго. У контролёра, который меня преследовал, в глазах был нездоровый азарт. Он сильно отставал. Обернувшись на бегу, я увидел, что девушку ведут к остановке двое контролёров. Её поймали. Что делать, я тоже остановился. Мой контролёр схватил меня за руку и повёл к остановке. Он был очень доволен. И мне было весело. Таня (вспомнил имя) тоже улыбалась. Нас завели в трамвай и отвезли на конечную остановку. Мы веселились и вспоминали, как мы бегали. Контролёры помрачнели. Мы не относились к ним серьёзно. Они потеряли к нам интерес и скоро отпустили, не взяв денег. Ещё помню, с этой самой Таней мы собирались уехать на Кубу. Это отдельная история.

Таня была откуда-то с севера. И в голову ей всегда приходили ненормальные идеи. Однажды она предложила мне поехать на Кубу и поучиться там в киношколе.

– Там в киношколе Маркес преподаёт.

Меня это, видимо, убедило. Мы отправились в кубинское посольство. Возле самого посольства я отчего-то перепугался. Думаю, какая Куба? Куда я поеду? Только что здесь в институт с трудом поступил. Но она меня уговорила. Что-то сказала про трусость. Короче, я сдался. У посольства стоял охранник с усами. Таня стала очень нагло с ним разговаривать. Я бы на месте охранника обиделся. Таня требовала атташе по культуре.

– Зачем вам? – спросил охранник.

– Мы будем говорить только с ним, – ответила наглая Таня.

И нас почему-то впустили внутрь. Усадили в кресла. Появился атташе в синем костюме. Выслушал наши наглые пожелания. Хотим, мол, в киношколу, сказали мы. Он записал телефон и пообещал позвонить. Конечно, никакого звонка не последовало. Я просто хорошо помню тот приступ страха перед воротами кубинского посольства.

Точно такой же приступ я испытал перед дверью ювелирного магазина, когда мы с женой ходили покупать обручальные кольца. Мне страшно было жениться. Было, кстати, чего бояться.

Убежав от сторожа в ларьке, мы пошли гулять по лесу. Гуляли, разговаривали, вспоминали разные истории. Например, такую. Мать моего друга, когда напивается, каждый раз рассказывает одну и ту же притчу. Она смотрит на собеседника глазами, на которых выступают слёзы, и начинает:

– Жил-был сын, и была у него мать. И однажды сын полюбил очень злую женщину. И эта злая женщина сказала сыну... – Тут рассказчица делает длинную трагическую паузу и выдыхает: – «Убей свою мать. Убей и принеси мне её сердце».

Дальше притча становится похожа на фильм ужасов.

– Сын пошёл и убил свою мать. Затем он вырвал у неё сердце и понёс показать злой женщине. (Как бы в доказательство, вероятно.) И когда сын нёс сердце, он споткнулся и упал. А материнское сердце спросило: «Ты не ушибся, сынок?»

Это, конечно, самый драматический момент рассказа. У мамы моего друга дрожит голос. Она ожидает, что слушатели тоже станут переживать. Но чаще всего слушатели смеются.

Я, Баранов и Ковров – мы гуляем по ночному лесу. Вспоминаем Иваново ещё раз. Удивляемся, почему мы оказались здесь среди мокрых деревьев.

Когда я уже после этого съездил в Иваново, меня с группой товарищей встречал режиссёр театра. Естественно, он отвёл нас на свой новый спектакль. В самом начале представления на сцену вышел человек с длинными волосами и весь в белом. Скорбный ангел, судя по программке.

– Спустя! – сказал скорбный ангел. А далее продолжил выкрикивать это слово: – Спустя! Спустя! Спустя!

После того, как это стало уже невозможно слушать, он произнёс:

– Спустя много лет Никола Пиросмани стал известным художником!

– Ну как? – спросил режиссёр, собрав нас в кабинете после спектакля.

Возникла пауза. Все мы, кажется, поняли, что сейчас придётся испортить с ним отношения. Но в самый последний момент нас спасала уважаемая Ольга, наша коллега и отличная подруга. (Спасибо ей.) Она ответила режиссёру за всех нас.

– Это стильно, – сказала она.

Режиссёр резко повеселел.

Ночью в лесу под Клином я, Ковров и Баранов начинаем играть в кого-то вроде партизан. Мы бегаем вокруг деревьев, особенно усердствует Баранов. Сколько его помню, он всегда отличался мальчишеским задором. Набор из перочинных ножей, зажигалок и по возрастающей – скейтбордов, мотоциклов, машин. Всё он перепробовал. Как в стихотворении «Из чего только сделаны мальчишки?». На самом деле человек он загадочный. Для меня, по крайней мере. Вроде бы добрый. Но его проблема, мне кажется, в том, что он... Даже не знаю, в чём его проблема. Помню, как он позвал меня на день рождения. Мы с женой пришли. Пришли и увидели за столом весьма странную компанию. Это были друзья Баранова. Новые друзья, которыми он обзавёлся. Это были какие-то упыри. Я не преувеличиваю. Они внешне были страшные и уродливые. Они платили за выпивку и еду на этом празднике. Может быть, именно поэтому Баранов их и позвал. Не знаю. Странно только видеть новых друзей своего старого друга. Ты себе их не такими представлял.

Впрочем, день рождения Баранова в рейтинге отвратительных застолий занимает не первое место. Первое место по праву достаётся серии застолий под управлением моей матери у меня дома. В главных ролях – подружки моей мамочки. Жир – главное слово этих праздников. Всё жирное – и еда, и люди. Жирные куриные окорочка, плавающие в жире. Кулинарные шедевры моей матушки – пирожки из блинной муки с начинкой из тушёнки. Подружки мамы то и дело заводили меня в уголок и шёпотом говорили, что, если бы я не был так мал, у нас бы всё получилось.

Ладно, не будем о грустном и противном.

В доме отдыха под Клином я, Ковров и Баранов шли к нашему номеру. Остановились покачаться на качелях. Воздух был влажным и вкусным. Ёлки вокруг. Снег белыми пятнами лежал на жирной, мокрой земле. Видим, стоит собака. Неизвестно, откуда она взялась. Стоит и смотрит на нас. Овчарка с мокрой шерстью, чёрные глаза – выпуклые и блестящие. Не твоякает, ничего. Стоит и смотрит. Мы, помню, особенно не испугались. Позвали её. Баранов пытался подманить овчарку, присев на одно колено и хлопая по другому. Но ничего не вышло. Собака ещё немного постояла, резко развернулась и убежала. Откуда она пришла и что значило её появление, мы так и не поняли.

Вернувшись домой – а мы стали называть домом наш не особенно уютный номер, – мы заснули. Нет, естественно, вначале мы немного поржали. Само собой, обсудили цвет трусов каждого, а уже после легли. И хотя нас распирала неумная и какая-то юношеская радость, мы довольно быстро уснули. Не помню, что мне снилось в тот раз, но обычно сны у меня очень интересные. Например, такой.

Я иду с группой каких-то туристов по пещере. Вокруг сталактиты и сталагмиты. У проводника постоянно меняется лицо. Каждый раз, когда он на меня глядит, у него лицо кого-то из моих знакомых. Туристов, которые идут вместе со мной, я разглядеть не могу. А одну девушку помню. Очень красивая девушка в короткой бежевой маечке со сложным узором. Мы быстро проходим по подземным коридорам. И вдруг отчего-то начинаем бежать. Что за опасность нам угрожает, непонятно. Но мы бежим всё быстрее и быстрее. И наконец выбе-

гаем на свет. Я и мой проводник с меняющимися лицами. Мы оборачиваемся и видим, что вход в пещеру засыпает у нас на глазах. Мелкие камешки сыплются сверху, и чёрный вход постепенно ими заполняется. Я понимаю, что все туристы оказались засыпанными внутри горы. Но это меня не особенно расстраивает. Я бросаю ещё один взгляд на вход, уже полностью засыпанный мелким щебнем. И вижу странную картину. Камешки, завалившие вход, сложились в точно такой же узор, который был у той девушки на майке.

Или ещё один сон: я выбираю кресты в каком-то магазине крестов. Крестов в магазине много. Все они разных форм. Есть даже крест, похожий на конвейер.

Утром просыпались медленно и с удовольствием. Классно просыпаться, когда тебя никто не будит. Когда никто не орёт над ухом: «Рота, подъём!» Это я ещё в армии понял, как плохо вставать по команде.

Когда я в учебке служил, нас напугали проверкой. Какой-то главный по всем ВВС должен был приехать только за тем, чтобы заглянуть в нашу казарму и посмотреть, нет ли чего-нибудь лишнего в тумбочках у солдат. Всю ночь мы натирали полы вонючей мастикой. Лечь спать разрешили только под утро. Сквозь сон я услышал крик: «Рота, подъём!» – и вскочил как ошпаренный. И тут меня повело. От запаха мастики у меня закружилась голова, затошнило, и я упал в обморок. Друзья-солдаты выволокли меня подышать на лестницу. Сержант хотел было на меня наорать, но, увидев мою бледную морду, передумал. И разрешил немного полежать. Случай уникальный. Я лёг обратно на свою кровать – единственную среди полутысячи заправленных – и моментально заснул. Проснулся от шагов. Кто-то ходил возле меня. Я был накрыт с головой, как в детстве, и боялся выглянуть из-под одеяла. Потому что шаги были уж очень значительные. Были и ещё одни шаги. Кто-то семенил за человеком, ступающим тяжело и уверенно. Послышался властный голос. Главком ВВС всё-таки посетил нашу казарму. Я тогда подумал, что мне конец. Один наглый солдат из всей роты не соизволил встать, когда главком пришёл к нему в гости. Шаги приблизились. Я затаил дыхание. Главком остановился прямо возле меня. Я подумал, что меня, наверное, расстреляют. Но главком словно вовсе и не заметил спящего бойца. Должно быть, он подумал – раз спит, значит, спать ему положено. Он что-то прорычал по поводу общего беспорядка нашему ротному – семенящие шаги – и ушёл прочь. В тот день я первый раз за полгода выспался. Да и к тому же получил массу острых ощущений.

В армии был ещё один случай. Мы – я, Ковров и ещё два москвича – служили вместе. И вместе старались отлынивать от службы. Ну, к примеру, бегали в клуб, пытались там делать концерты к праздникам. За это и солдаты, и командиры ненавидели нас четверых ещё больше. Видя нас на сцене в ролях патриотических героев, начальство хотело немедленно отправить нас на кухню. А солдаты полагали, что мы как сыр в масле катаемся. Хотя это было не так. Однажды старший лейтенант собрал нас в Ленинской комнате и сказал:

– Неуклонно наступает День Военно-воздушных сил. Это для нас с вами праздник, что ни говори. Поэтому я прошу вас сделать в его честь праздничную программу. Ну, вы понимаете?

– Понимаем, – ответили мы.

– Разучите песни, танцы подготовьте, пантанину какую-нибудь...

– Что-что? – переспросили мы, готовые упасть под стол от смеха.

– Пантанину, – повторил старлей.

Мы заржали, но тут же включились в разговор:

– Товарищ старший лейтенант, а пантанина длинная должна быть?

– Нет, не очень.

Старший лейтенант даже не замечал, что над ним издеваются.

В доме отдыха под Клином я, Ковров и Баранов проснулись, продрали глаза и пошли купить себе чего-нибудь к завтраку. При свете дня дом отдыха выглядел ещё более облез-

лым. Но нас это не смутило. Настроение было хорошее. Спросили у какого-то скрюченного, сидевшего на трубе мужика:

– Где магазин у вас?

– Там, на трассе.

На трассе так на трассе. Пошли прямо к ней. Погода была чудо. Воздух очень свежий. На солнце невозможно смотреть – таким оно было ярким. А если рискнёшь взглянуть на него, закрываешь глаза от слепящего света и наполняешься невыразимой радостью. Мы шли по сухой прошлогодней траве. Сзади нас остались полуголый лес и дом отдыха. Впереди виднелась трасса и деревня за ней. Да, забыл, небо было убийственно синего цвета. Я шёл плечом к плечу со своими друзьями Ковровым и Барановым и думал, что, в сущности, я о них ничего не знаю. Мы знакомы с детства, мы служили в армии, мы живём в одном доме, но я всё равно до конца не понимаю, что это за люди. Например, Баранов – он любит быть в центре внимания. Все актёры это любят. Он не выносит разных щекотливых положений. Впрочем, этого тоже никто не любит. Ему нравится веселиться. Вот чего уж никогда не понимал. Не только в Баранове. Меня поражала способность Баранова и некоторых других моих знакомых включаться в веселье. То есть минуту назад был хмурый человек, задёрганный жизнью, но переступил порог дома, где справляют, положим, день рождения, и тут же начал радостно кричать, рассказывать анекдоты и плясать под музыку. Ещё Баранов курит самокрутки. Если, конечно, это что-то говорит о человеке. Самокрутки из пахучего иностранного табака. Самокрутки у него получаются тоненькие, как спички. Но самое главное – Баранов счастливчик. По крайней мере так вам кажется, когда вы его узнаете. У него нормальная семья, что в наше время редкость. Прекрасные папа и мама. Он рано начал делать актёрскую карьеру. Его взяли сниматься в кино ещё в школе. После премьеры фильма по телевизору я, Ковров и Баранов пошли прогуливаться возле местного кинотеатра. Нас чуть не разорвали в клочья поклонники Баранова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.